

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-151-159  
УДК 94(47).04

## Юго-Восточный «фронт» Европейской России в середине XVII – начале XVIII в.

Эдуард Лейбович ДУБМАН

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет  
им. академика С.П. Королева»

443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3282-2661>, e-mail: [dubmane@mail.ru](mailto:dubmane@mail.ru)

## Southeastern “frontier” of European Russia in the middle of the 17th – early of the 18th centuries

Edward L. DUBMAN

Samara National Research University

34 Moskovskoye Rte., Samara 443086, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3282-2661>, e-mail: [dubmane@mail.ru](mailto:dubmane@mail.ru)

**Аннотация.** Рассмотрена специфика колонизации Юго-Востока Европейской России в середине XVII – начале XVIII века. На основе изучения совокупности источников показано взаимодействие государства и различных групп российского общества в этом процессе. Исходным является положение, что по своим базовым характеристикам освоение юго-восточных и южных рубежей страны являлось единым процессом, но имело для отдельных регионов свою специфику. Особенности Юго-Востока являлись: сложный этноконфессиональный состав коренного населения, наличие у части жителей исторической памяти о бывшей государственности, а также ряд других факторов. Сделан вывод, что использование традиционных в отечественной историографии методов теории колонизации недостаточно для изучения данной проблематики. Необходимо применение новых подходов и, в частности, теории фронта, адаптированной для российской действительности рассматриваемого периода.

**Ключевые слова:** колонизация; фронт; Юго-Восток; Южное Средневолжье; государство; общество; служилые и тяглые люди; казачество; кочевники

**Для цитирования:** Дубман Э.Л. Юго-Восточный «фронт» Европейской России в середине XVII – начале XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 151-159. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-151-159

**Abstract.** We consider the colonization specifics of the Southeastern European Russia in the middle of the 17th – early of the 18th centuries. Based on the set of sources study we show the interaction between the state and various groups of Russian society in this process. The original statement is that in terms of its basic characteristics, the development of the southeastern and southern borders of the country was a single process, but had its own specifics for individual regions. The features of the Southeast were: the complex ethnic and confessional composition of the indigenous population, the presence of historical memory of former statehood among some residents, as well as a number of other factors. We conclude that the use of traditional in Russian historiography colonization theory methods is not enough to study this problem. It is necessary to use new approaches and, in particular, the frontier theory, adapted for the Russian reality of the period under consideration.

**Keywords:** colonization; frontier; Southeast; Southern Middle Volga region; state; society; service class people and state serving peasants; Cossacks; nomads

**For citation:** Dubman E.L. Yugo-Vostochnyy «frontir» Evropeyskoy Rossii v seredine XVII – nachale XVIII v. [Southeastern “frontier” of European Russia in the middle of the 17th – early of the 18th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov*

*University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 151-159. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-151-159 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Масштабная колонизация южного и юго-восточного пограничья Европейской России, по мнению большинства историков, развернулась только с середины XVI века [1, с. 7-13]. На начальном этапе в этом процессе важнейшую роль сыграли как государство, так и отдельные группы российского социума. Если государство, присоединяя новые территории, создавая оборонительные системы и заселяя их служилыми людьми, обеспечивало безопасность начального освоения и формировало свободные зоны для хозяйственной деятельности, то общество «выплескивало» в эти анклавы беглых, «гулящих» людей, вступавших в конфликт с административно-крепостнической системой. Эпоха Смуты надолго задержала развитие государственной колонизации, но вместе с тем создала благоприятные условия для складывания областей казачьей вольницы – на Дону, Яике, Тереке и отчасти на Нижней и Средней Волге.

Только с середины 1630-х гг., когда Москва после неудачного завершения Смоленской войны приступила к созданию единой системы засечных линий, процесс правительственного освоения вновь становится важнейшим фактором дальнейшего развития российской государственности. Вывод Л.В. Милова о «необычайной активности Русского государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства» [2, с. 561] является, на наш взгляд, основополагающим для всего периода позднего Средневековья и начального Нового времени.

Новая линия обороны, возведенная в лесостепном порубежье Европейской России, защитила население страны от постоянных нападений кочевников и создала условия для последующего освоения широкого пояса плодородных земель. На всем ее протяжении в основу фортификационных сооружений и формирования гарнизонов закладывались единые принципы [3, с. 85; 4, с. 4], но очевидно, что на восточном фланге (в Среднем Поволжье) имелись свои особенности. Присоединив территории Казанского и Астраханского ханств и установив «отношения вассалитета с элементами протектората» [5, с. 647] с Большой Ногайской Ордой, правительство, на первых порах, могло только за-

крепить и начать хозяйственное освоение Казанского края (в рамках бывшей основной территории ханства), Астрахани с дельтой Волги и северным побережьем Каспия между устьями Яика и Терека, а также волжской акватории с ее торговым путем и промышленными ресурсами. На все остальное у государства просто не хватало сил.

На первом этапе сооружения единой оборонительной системы, вплоть до середины 1640-х гг., крайним ее пунктом на востоке являлся Саранск. В начале царствования Алексея Михайловича правительство Б.И. Морозова внесло коррективы в осуществление проекта. Были изменены подходы к фортификации засечных черт, более мощными стали их укрепления. Значительно увеличили количество ратных людей в гарнизонах крепостей и острогов [6, с. 54-56]. Оборонительную линию продлили до Волги, а позднее, уже в начале 1650-х гг., довели ее в Заволжье до впадения р. Ик в Каму.

В основе этих новаций (прежде всего, продолжения системы укреплений далее на Юго-Восток) обнаруживается острая необходимость создания на южных окраинах бывшего Казанского ханства хорошо защищенного и освоенного района с крупным контингентом служилых людей. Тем самым этнически и конфессионально неоднородные территории беспокойного региона были бы надежно прикрыты от контактов с кочевыми сообществами, а также сделан еще один решительный шаг по освоению богатейших природных ресурсов Южного Средневожья и Заволжья. Именно в середине XVII – начале XVIII века вновь заселенные территории по Саранской, Карсунской, Симбирской и Закамской линиям являлись частью пространства своеобразного «фронта», наряду с непосредственно соприкасавшимися с ними зонами кочевий степняков и башкирских угодий, волжской акватории с беспокойной массой сезонных работников, областями казачьей вольницы.

Еще раз повторим, что по своим базовым характеристикам юго-восточные рубежи были сходны с аналогичными военизированными южными районами Московского государства. На всем огромном пространстве ев-

ропейской лесостепи действовало единое законодательство о «заказных городах», а контингенты служилых людей, расселенных на территории новых уездов, должны были противостоять близким по своим военным навыкам и вооружению кочевым сообществам.

Следует отметить, что в отличие от хорошо концептуально и конкретно изученного южного пограничья, несмотря на значительное количество исследований по юго-восточным районам, в большинстве своем сюжеты последних посвящены отдельным локальным территориям и не позволяют представить целостную картину развития всего региона.

Особые сложности в изучении ранней «российской» колонизации европейского Юго-Востока связаны, прежде всего, с недостаточностью и слабой репрезентативностью источниковой базы. Это обусловлено судьбой архива приказа Казанского Дворца, сгоревшего в начале XVIII века, а также лишь частично сохранившимся делопроизводством уездных приказных (сьезжих) изб низовых городов. Не будем специально останавливаться на данном вопросе, так как он уже не однажды обсуждался историками.

В отечественной историографии явления, протекавшие на Юго-Востоке в XVI–XVIII веках, длительное время рассматривались в рамках общей центристской модели развития русской цивилизации, единого колониационного процесса, охватившего огромные пространства средневековой страны. В данной системе координат, пожалуй, единственное фундаментальное исследование особенностей колонизации Юго-Востока и взаимоотношений его коренного населения, русских переселенцев и имперской администрации предпринял в конце XIX века Г.И. Перетяткович. В советской историографии отдельным сторонам этого явления посвящены труды Р.Г. Кузеева и И.П. Ермолаева [7; 8]. Все остальные историки рассматривали региональные процессы в рамках трудов, посвященных, как правило, в целом истории российской колонизации. Так, уже после революции краткий очерк о Юго-Востоке в обобщающей работе по истории русской колонизации дает М.К. Любавский [9, с. 257–284]. В обширной монографии Б.Э. Нольде, посвященной взаимоотношениям Российской империи и народов, ее населяющих, значительное внимание уделено колонизации

Среднего Поволжья [10, с. 121–246]. Отметим недавно вышедшие обобщающие труды Б.Н. Миронова, И.А. Верняева, В.А. Воропанова и ряда других исследователей, в которых затрагиваются вопросы этноконфессиональной политики и управления в Российской империи, правового положения ее различных народов, в том числе и в рассматриваемом регионе [11–13].

Несомненно, что теория колонизации, более полутора столетий используемая отечественными историками, является одним из базовых концептуальных подходов к изучению рассматриваемых явлений. Вместе с тем в последнее время становится очевидным, что ее эвристический потенциал явно недостаточен для исследования сложных и неоднозначных процессов, происходивших на российских окраинах. Получившая широкое распространение концепция фронта, при всех существенных различиях истории формирования российского и американского социумов, позволяет получить новые значимые результаты, характеризующие зоны пограничного взаимодействия, ментальную специфику их населения, особенности развития периферийных областей.

В этом отношении интерес представляют вышедшие в последние десятилетия исследования зарубежных историков, прежде всего, статьи и книги А. Каппелера, а также недавно переведенная на русский язык монография М. Ходарковского [14–16]. Для нас значимо то, что эти авторы особое внимание уделили процессам, происходившим в ходе колонизации Юго-Востока Европейской России. Отметим, что в конце XX века Т.М. Барретт отмечал, что Нижнее и Среднее Поволжье практически не попадало в сферу особого внимания западных ученых к истории российского «фронта» [17, с. 166].

Пожалуй, наиболее аргументированную характеристику юго-восточного фронта, в сопоставлении с южным, предложил А. Каппелер [15]. В целом мы согласны с концептуальными положениями этого автора, хотя некоторые его утверждения вызывают сомнения. Нам, например, ближе, «географическая» трактовка фронта у Ф. Тернера, который включает в нее не только «зоны свободных земель», но и пограничные с ними заселенные пространства коренных жителей и переселенцев. Наиболее значимой, по мне-

нию Ф. Тернера, особенностью фронта является то, что «он находится на ближнем к нам крае свободных земель» и к нему следует относить «пределы поселения» [18, с. 14].

А. Каппелер же приводит несколько иное, модернизированное О. Латтимором и другими авторами понимание фронта, представлявшего «...переходную зону, которая, как правило, не интегрирована ни в одно из государственных образований и имеет динамический характер» [15, с. 48].

Несомненно, на Юге и Юго-Востоке понимание государственной границы носило достаточно размытый, «зыбкий» характер. Нередко она включала, как считали в Москве, области на первых порах практически автономной казачьей вольницы, других территорий. Да и степняки в сезонном цикле кочевий, соприкасаясь с зоной оседлого расселения русского пограничья, нередко оказывали на него определенное давление.

Можно согласиться с определением Ф. Тернера в связи еще с одним обстоятельством. Для переселенцев на земли Юго-Востока ментальность, психология и даже, в некоторой степени, идеология жителей фронта вырабатывались не только в среде казачьей вольницы и других подобных сообществ. В значительной степени они проникали в сознание и поведение служилых людей по прибору, работных людей волжских промыслов и судоходства и даже тяглого населения, всех тех, кто заселял опасное приграничье и находился в постоянном контакте с казачеством, «гулящими людьми», «всяким сбродом и наволокою», каждый год приходившими на Волгу.

Источники свидетельствуют, что новые поселенцы могли не однажды менять свою социальную принадлежность. Среди тяглых и приборных людей было немало выходцев из «гулящих», казачьей вольницы и т. д. Именно поэтому для нас особую важность приобретает характеристика А. Каппелером социального фронта между «...различными жизненными укладами и системами ценностей», прежде всего, по отношению к тем переселенцам, которые, осваивая новые земли и вступив в непосредственный контакт с казачьими, кочевническими и прочими сообществами, приобрели на какое-то время существенно отличавшиеся от жителей внутренних районов страны нормы поведения и

представления. Зона постоянных контактов способствовала «облегченной» диффузии, взаимопроникновению элементов различных культур, их аккультурации. Переселенцы становились носителями психологии нового социокультурного фронта; они создавали особые региональные культурные и ценностные традиции. Вместе с тем уже следующая волна новоселов размывала эти слабо закрепленные региональные особенности «поселенческого фронта» и, напротив, все более закрепляла традиционные для основного населения Европейской России нормы поведения и восприятия действительности.

Несомненно, что в осваиваемом регионе удобнее использовать понятие фронт не как «зону постоянной конфронтации» и не как «неотъемлемую часть *mission civilisatrice* превосходящей оседлой христианской цивилизации», а как опыт «зоны коммуникации и взаимодополняющего экономического, социального, культурного и политического взаимодействия между обществами с разной спецификой» [15, с. 49].

В этом отношении крайне интересны выводы таких исследователей, как Г.-Г. Нольте, Н.Я. Эйдельмана и других, которые трактовали мощные социальные движения XVII–XVIII веков, как восстания «окраин против центра» [19, с. 31-37; 20, с. 188]. Это отчетливо наблюдается в поведении и действиях различных в социальном, этническом и конфессиональном отношении категорий населения Южного Средневожья в октябре 1670 – начала 1671 гг., когда казачье войско и сам С. Разин ушли из-под Симбирска на Дон<sup>1</sup> [21]. При этом практически не наблюдалось каких-либо массовых столкновений между различными в этноконфессиональном отношении группами приборных и тяглых людей. Подавляющее большинство населения окраин приняло программу разинцев и выступило на их стороне.

Несколько смущает также и то, что в утверждениях некоторых зарубежных исследователей постоянно рефреном звучит формула о противостоянии леса и степи, та самая, которую в совершенно иной системе временных координат употреблял С.М. Соловьев и ряд других российских историков. Понятно, что в работах А. Каппелера, М. Ходарков-

<sup>1</sup> Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. М., 1957. Т. 2. Ч. 1.

ского, как и С.М. Соловьева, под этим противостоянием подразумевается столкновение различных культур и этнических сообществ, что совершенно справедливо. Но неясно, почему из этой амбивалентности выпадает понятие «лесостепи», занимавшей многие сотни километров между зонами лесов и степей и которую можно как раз назвать динамически меняющейся во второй половине XVI – середине XVIII века «областью фронта». Тем более что освоение самих степных пространств произошло намного быстрее, без значительных экономических и людских затрат уже и потому, что к середине XVIII века кочевые народы просто не могли оказывать серьезного сопротивления натиску с севера. Между тем юго-восточную лесостепь пришлось преодолевать не менее полутора веков, в течение как минимум 3-х колонизационных этапов – волн. Вначале, во второй половине XVI века, была создана система оборонительных укреплений по линии Темников – Алатырь – Тетюши, прикрывшая южные рубежи недавно завоеванного Казанского края. Затем в середине XVII века возводятся Саранская, Карсунская, Симбирская и Закамская линии. Наконец, ближе к концу этого же столетия строится Пензенская засека. Последнюю к югу, уже практически на границе лесостепи и степи, оборонительную линию на Правобережье, также проектировалось создать по образцу других. Но внезапно, весной 1686 г., правительство буквально накануне начала строительства отказалось от затратного проекта [22, с. 326-332]. Оно ограничилось возведением на волжском побережье Сызрани и Кашпира, а далее к Суре отдельных селений приборных людей. Удивляет, как быстро, несмотря на отсутствие непрерывной засечной линии, все огромное пространство к югу от Симбирской и Карсунской черт было заселено уже к началу XVIII века [23]. К тому же в 1680-х – 1690-х гг. правительство существенно ограничило запретительные нормы законодательства о «казанских городах», что позволило сложиться во вновь осваиваемом регионе, совокупности крупных владений центральных монастырей и представителей светской знати [24, с. 19-26].

Помимо засечных линий и локальных крепостей практически в каждом крупном владении, а то и просто в отдельных селениях были устроены хорошо вооруженные го-

родки с небольшими гарнизонами, «заборы с боями» вокруг храмов и другие оборонительные сооружения (села Новодевичье, Соновый Остров, Усольская слобода, Городищенская, Рождественская и т. д.).

В этом все более ускорявшемся колонизационном движении необходимо указать на еще один крайне важный аспект. Дело в том, что все пространство к югу от линии Алатырь – Тетюши, то есть в междуречье Волги и Суры в XV – середине XVII века, практически не имело постоянного населения. Кочевья ногаев и сменивших их калмыков на Правобережье Волги проходили значительно южнее, автохтонное же население Казанского края владело лишь промысловыми угодьями и хозяйствовало здесь эпизодами, «наездом». Археологические данные и письменные источники свидетельствуют о том, что после начала «замятни» в Орде во второй половине XIV века коренные жители Среднего Поволжья практически покидают южную лесостепь и уходят на север в более безопасные районы<sup>2</sup> [25, с. 294-295; 26, с. 180-181]. О пустынности этих мест красноречиво свидетельствует описание А. Курбским похода своего отряда на Казань в 1552 г. [27, с. 33]. В определенной степени о данной территории можно говорить, как о «ничейной земле», в трактовке ряда историков [17, с. 178-179].

Контингент переселенцев, заселивших новые земли, состоял из ратных людей по прибору и отечеству, несших службу по крепостям и острогам. Подавляющее большинство стрельцов, городских казаков и людей пушкарского чина расселили слободами и испоместили наделами земли. Дворяне и дети боярские в своих новых поместьях селили крестьян и создавали сеть деревень. Характерно, что вся эта совокупность служилых и тяглых переселенцев отличалась этническим и конфессиональным разнообразием. Данные сметы 1651 г. дают своеобразный «показатель насыщенности» («защищенности») военными людьми Саранской, Карсунской и Симбирской черт. Каждая из них имела протяженность в среднем около 100 км, и на один километр линии приходилось 15–18

<sup>2</sup> История Чувашской АССР. Т. 1. Чебоксары, 1966. С. 66.

служилых людей<sup>3</sup>. Интересен их этнический состав. По Симбирской и Саранской чертам в смете 1651 г. указаны русские; на Карсунской – около 60 % являлись «мурзами и татарами», а также новокрещенными.

Смета военных сил 1661–1663 гг. свидетельствует о росте численности служилого населения. По Симбирской линии она достигла 3353 человек (113 дворян и детей боярских, 2796 казаков и стрельцов, 444 служилых татар, чуваш и мордвы), по Саранской – 3479 человек. Только на Карсунской линии (2091 человек казаков, стрельцов; татар, чуваш и мордвы, а также пушкарей) их число осталось прежним. Часть служилого коренного населения показана стрельцами и казаками. По сравнению со сметой 1651 г. по Симбирской и Саранской линиям, значительно выросло число татар и мордвы<sup>4</sup>.

Для всех них (в том числе тяглых и ясачных) расселение в новом регионе, помещение здесь означало не что иное, как своеобразное «обретение родины». Они, как считают многие исследователи, являлись равноправными участниками этого процесса<sup>5</sup> [10, с. 236; 13, с. 24-27]. Таким образом, при переходе через линию «старых» городов-

крепостей Темников – Алатырь – Тетюши служилые и ясачные чуваш, мордва, татары и другие народы Казанского края, подвергшиеся ранее русской колонизации и вынужденные приспособляться к условиям насильно внедряемой на территории завоеванного ханства новой российской системы, сами стали непререкаемыми и полноправными акторами нового этапа процесса колонизации. Характерно, что данные об их расселении, испомещении, размежевании новых угодий, содержащиеся в писцовых книгах и актовом материале, содержат сведения о ранее находившихся здесь бортных ухояжах, бобровых гонах, сенных покосах и рыбных ловлях, промышлявших в этих местах ранее жителей Алатырского, Свияжского и других уездов [28, с. 402-403]. По крайней мере, в XVII веке отсутствуют сведения о том, что население этих новых районов страдало от насильственной христианизации, правового беспорядка и т. д. [29, с. 17-19]. Так, например, В.А. Юрченков, специально изучавший взгляды европейцев (прежде всего, побывавших в России) на мордву, за единственным исключением, не смог выявить упоминаний о насильственной христианизации или особом беспорядке этого народа [30, с. 110-111, 122, 146-147, 182-183].

К началу XVIII века лесостепь правобережья Южного Средневолжья практически была заселена и в значительной степени утратила свои особенности фронта. XVIII – начало XIX века – время колонизации лесостепного Заволжья, но оно протекало уже с иными характерными особенностями.

<sup>3</sup> «Сметный список» вооруженных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. М., 1989. С. 30-31.

<sup>4</sup> Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 3. С. 50-52; Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. М., 1989. С. 30.

<sup>5</sup> РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1209. Оп. 4. Д. 6473. Роспись дел симбирской приказной избы за 1662–1700 гг.

#### Список литературы

1. Мизис Ю.А., Скобелкин О.Б., Папков А.И. Теория фронта и Юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 10. С. 7-15. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15
2. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
3. Загорский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.
4. Загорский В.П. Краткое историко-географическое и историко-демографическое описание Изюмской линии // Проблемы исторической демографии СССР: сб. ст. Вып. 2. Томск, 1982. С. 3-13.
5. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.
6. Голомбиевский А. Выписка в Разряде о построении новых городов и Черты (7189–1681 г.) // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. XXXIII. Тамбов, 1892. С. 49-56.
7. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII в. (Управление Казанским краем). Казань, 1982.
8. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.
9. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.
10. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб., 2013.

11. Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017.
12. Верняев И.А. Очерки по истории этноконфессиональной политики в России. СПб., 2017.
13. Воронанов В.А. Суд и правосудие в провинции Российского государства в XVI – первой половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала и Западной Сибири). М., 2017.
14. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000.
15. Каппелер А. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 47-65.
16. Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М., 2019.
17. Барретт Т.М. Линия неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 163-194.
18. Тернер Ф.Дж. Фронт в американской истории. М., 2009.
19. Нольте Г.-Г. Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // *Вопросы истории*. 1994. № 11. С. 31-38.
20. Эйдельман Н.Я. 17 сентября 1773 г. // Эйдельман Н.Я. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993.
21. Степанов И.В. Крестьянская война под предводительством Степана Разина в Среднем Поволжье // *Ученые записки Ленинградского университета. Серия исторические науки*. 1956. Вып. 24. № 205. С. 125-166.
22. Дубман Э.Л. Проект Сызранской линии: предыстория, создание и судьба // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2011. Т. 13. № 3 (2). С. 326-332.
23. Дубман Э.Л. Проблема Сызранской черты и начальный этап колонизации волго-сурского междуречья (1680-е гг. – начало XVIII в.) // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 2012. № 1. С. 161-171.
24. Дубман Э.Л. Формирование сельского населения в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII в. // *Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья*. Йошкар-Ола, 1990. С. 19-25.
25. Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX в.). Чебоксары, 1986.
26. Мухамадиев А.Г. Золотая Орда // *Материалы по истории Татарского народа* / отв. ред. С.Х. Алишев. Казань, 1995. С. 136-185.
27. Курбский А. История о делах великого князя Московского. М., 2015.
28. Писцовая книга Карсунского и Симбирского уездов 1685–1686 гг.: публ. текста / сост. Ю.Н. Мельников. Ульяновск, 2014.
29. Дубман Э.Л. Ясачные крестьяне Казанского края в Южном Средневожье (к вопросу о специфике колонизационных процессов во второй половине XVII в.) // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2019. № 2 (25). С. 13-23. DOI 10.18287/2542-0445-2019-25-2-13-23
30. Юрченков В.А. Взгляд со стороны (мордовский народ и край в сочинениях западно-европейских авторов VI–XVIII столетий). Саранск, 1995.

### References

1. Mizis Y.A., Skobelkin O.B., Papkov A.I. Teoriya frontira i Yug Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. [The theory of the frontier and the south of Russia in 16<sup>th</sup> – the first half of the 18th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, vol. 20, no. 10, pp. 7-15. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15 (In Russian).
2. Milov L.V. *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Plowman and Features of the Russian Historical Process]. Moscow, 1998. (In Russian).
3. Zagorovskiy V.P. *Belgorodskaya cherta* [Belgorod Line]. Voronezh, 1969. (In Russian).
4. Zagorovskiy V.P. Kratkoye istoriko-geograficheskoye i istoriko-demograficheskoye opisaniye Izyumskoy linii [Brief historical-geographical and historical-demographic description of the Izyumskaya line]. *Problemy istoricheskoy demografii SSSR. Vyp. 2* [Problems of Historical Demography of the USSR. Issue 2]. Tomsk, 1982, pp. 3-13. (In Russian).
5. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of Nogai Horde]. Moscow, 2001. (In Russian).
6. Golombiyevskiy A. Vypiska v Razryade o postroyenii novykh gorodov i Cherty (7189–1681 g.) [Extract from the construction of new cities and traits department (7189–1681)]. *Izvestiya Tambovskoy uchenoy arkhivnoy komissii. Vypusk XXXIII* [Bulletin of the Tambov Scientific Archival Commission. Issue 33]. Tambov, 1892, pp. 49-56. (In Russian).

7. Ermolayev I.P. *Sredneye Povolzh'ye vo vtoroy polovine XVI–XVII v. (Upravleniye Kazanskim krayem)* [Middle Volga Region in the Second Half of the 16th – 17th Centuries (Management by the Kazan Region)]. Kazan, 1982. (In Russian).
8. Kuzeyev R.G. *Narody Srednego Povolzh'ya i Yuzhnogo Urala: Etnogeneticheskiy vzglyad na istoriyu* [Peoples of the Middle Volga Region and Southern Ural. Ethnogenetic View on History]. Moscow, 1992. (In Russian).
9. Lyubavskiy M.K. *Obzor istorii russkoy kolonizatsii s drevneyshikh vremen i do XX veka* [Review of the Russian Colonization History from Ancient Times to the 20th Century]. Moscow, 1996. (In Russian).
10. Nolde B.E. *Istoriya formirovaniya Rossiyskoy imperii* [History of the Russian Empire Formation]. St. Petersburg, 2013. (In Russian).
11. Mironov B.N. *Upravleniye etnicheskimi mnogoobraziyem Rossiyskoy imperii* [Ethnic Diversity Management of the Russian Empire]. St. Petersburg, 2017. (In Russian).
12. Vernyayev I.A. *Ocherki po istorii etnokonfessional'noy politiki v Rossii* [Essays on the History of Ethnic and Confessional Politics in Russia]. St. Petersburg, 2017. (In Russian).
13. Voropanov V.A. *Sud i pravosudiye v provintsii Rossiyskogo gosudarstva v XVI – pervoy polovine XVIII v. (na primere oblastey Povolzh'ya, Urala i Zapadnoy Sibiri)* [Court and Justice in the Russian State Province in the 16th – First Half of the 18th Century (on the Example of the Volga Region, Ural and Western Siberia)]. Moscow, 2017. (In Russian).
14. Kappeler A. *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknoveniye. Istoriya. Raspad* [Russia is a Multi-national Empire. Occurrence. History. Disintegration]. Moscow, 2000. (In Russian).
15. Kappeler A. *Yuzhnyy i vostochnyy frontir Rossii v XVI–XVIII vekakh* [The southern and eastern frontier of Russia in the 16th – 18th centuries]. *Ab Imperio*, 2003, no. 1, pp. 47-65. (In Russian).
16. Khodarkovskiy M. *Stepnyye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800* [Steppe Lines of Russia: How the Colonial Empire was Created. 1500–1800]. Moscow, 2019. (In Russian).
17. Barrett T.M. *Liniya neopredelennosti: severokavkazskiy «frontir» Rossii* [Line of uncertainty: Russia's north Caucasus “frontier”]. In: David-Fox M. (compiler). *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskiy period: antologiya* [American Russian Studies: Milestones in the Historiography of Recent Years. The Imperial Period: Anthology]. Samara, 2000, pp. 163-194. (In Russian).
18. Turner F.J. *Frontir v amerikanskoj istorii* [Frontier in American History]. Moscow, 2009. (In Russian).
19. Nolte G.-G. *Russkiye «krest'yanskiye voyny» kak vosstaniya okrain* [Russian “peasant wars” as rebellion of the outskirts]. *Voprosy istorii – Issues of History*, 1994, no. 11, pp. 31-38. (In Russian).
20. Eydelman N.Y. *17 sentyabrya 1773 g. [17th September, 1773]. In: Eydelman N.Y. Iz potayennoy istorii Rossii XVIII–XIX vekov* [From the Hidden History of Russia 18th – 19th Centuries]. Moscow, 1993. (In Russian).
21. Stepanov I.V. *Krest'yanskaya voyna pod predvoditel'stvom Stepana Razina v Srednem Povolzh'ye* [Peasant War led by Stepan Razin in the Middle Volga region]. *Uchenyye zapiski Leningradskogo universiteta. Seriya istoricheskiye nauki* [Scientific Notes of Leningrad University. Series Historical Sciences], 1956, vol. 24, no. 205, pp. 125-166. (In Russian).
22. Dubman E.L. *Proyekt Syzranskoy linii: predystoriya, sozdaniye i sud'ba* [The project of Syzran boundary: prehistory, creation and destiny]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2011, vol. 13, no. 3 (2), pp. 326-332. (In Russian).
23. Dubman E.L. *Problema Syzranskoy cherty i nachal'nyy etap kolonizatsii volgo-surskogo mezhdurech'ya (1680-e gg. – nachalo XVIII v.)* [The problem of Syzran fortified border line and the early colonization of the area between Volga and Sura rivers (1680 – early 18th century)]. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy* [Yearbook on Agrarian History of Eastern Europe], 2012, no. 1, pp. 161-171. (In Russian).
24. Dubman E.L. *Formirovaniye sel'skogo naseleniya v Simbirsko-Samarskom Povolzh'ye v XVII – nachale XVIII v.* [The formation of the rural population in the Simbirsk-Samara Volga region in the 17th – early 18th century]. *Krest'yanskoye khozyaystvo i kul'tura derevni Srednego Povolzh'ya* [Peasant Farming and Village Culture of the Middle Volga Region]. Yoshkar-Ola, 1990, pp. 19-25. (In Russian).
25. Dimitriyev V.D. *Chuvashiya v epokhu feodalizma (XVI – nachalo XIX v.)* [Chuvashia in the Feudalism Era of (16th – Early of 19th Century)]. Cheboksary, 1986. (In Russian).
26. Mukhamadiyev A.G. *Zolotaya Orda [Golden Horde]. In: Alishev S.Kh. (executive ad.). Materialy po istorii Tatarskogo naroda* [Proceedings on the History of Tatar People]. Kazan, 1995, pp. 136-185. (In Russian).
27. Kurbskiy A. *Istoriya o delakh velikogo knyazya Moskovskogo* [History of the Grand Duke of Moscow Affairs]. Moscow, 2015. (In Russian).
28. Melnikov Y.N. (compiler). *Pistovaya kniga Karsunskogo i Simbirskogo uyezдов 1685–1686 gg.* [The Scribal Book of Karsun and Simbir Counties 1685–1686]. Ulyanovsk, 2014. (In Russian).

29. Dubman E.L. Yasachnyye krest'yane Kazanskogo kraya v Yuzhnom Srednevolzh'ye (k voprosu o spetsifike kolonizatsionnykh protsessov vo vtoroy polovine XVII v.) [Yasak peasants of the Kazan Region in the Southern middle Volga region (to the question of the specifics of colonization processes in the second half of the 17th century)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya – Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 2019, no. 2 (25), pp. 13-23. DOI 10.18287/2542-0445-2019-25-2-13-23 (In Russian).
30. Yurchenkov V.A. *Vzglyad so storony (mordovskiy narod i kray v sochineniyakh zapadno-evropeyskikh avtorov VI–XVIII stoletiy)* [View from the Side (Mordovian People and Region in the Essays of the West European Authors of 6th – 18th Centuries)]. Saransk, 1995. (In Russian).

#### Информация об авторе

**Дубман Эдуард Лейбович**, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории. Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация. E-mail: [dubmane@mail.ru](mailto:dubmane@mail.ru)

**Вклад в статью:** изучение архивных и научных источников, обработка и анализ материала, написание статьи.

**ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-3282-2661>

Поступила в редакцию 05.07.2019 г.  
Поступила после рецензирования 02.08.2019 г.  
Принята к публикации 23.08.2019 г.

#### Information about the author

**Edward L. Dubman**, Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department. Samara National Research University, Samara, Russian Federation. E-mail: [dubmane@mail.ru](mailto:dubmane@mail.ru)

**Contribution:** archival and scientific sources study, material processing and analysis, manuscript text drafting.

**ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-3282-2661>

Received 5 July 2019  
Reviewed 2 August 2019  
Accepted for press 23 August 2019